

Поэт и природа поэтического творчества в эссе М.И.Цветаевой «Искусство при свете совести».

О теме Поэта и поэзии в творчестве Марины Цветаевой упоминал не один исследователь. В научной литературе не раз предпринимались попытки описания понятия «поэт»: исследователь творчества Цветаевой В.А.Швейцер замечает: «Поэт – явление непредвиденное, неучтимо, подвластное ему самому неведомой стихии» [Швейцер, 1992: 206]. Отсюда взгляд Цветаевой на поэта как на «высшую степень подверженности наитию». И.В.Кудрова конкретизирует образ, указывая на два определённых мотива у поэта, которые сплетаются, когда речь идёт о поэте и поэзии: «Первый – жалоба на чужеродность поэта миру. Второй – гордыня человека, владеющего такими сокровищами духа, пред которыми меркнут все сокровища земные. Это две стороны одной медали» [Кудрова, 2003: 21].

В.А.Маслова в своей книге «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой» посвятила этому вопросу отдельную главу, в которой показала цветаевского Поэта неподсудным бунтарём, изгоем, пророком, внутренне свободной личностью. Также она затрагивает и вопрос о назначении поэта, которое Цветаева видела не в развлечении и наслаждении гармонией, а в расширении души.

При рассмотрении образа Поэта В.А.Маслова базируется в своих рассуждениях не только на поэзию Марины Цветаевой, но и, быть может даже в первую очередь, на её прозу. В частности, она ссылается на статью «Поэт о критике» и эссе «Искусство при свете совести». В последнем она видит Поэта – слугу стихий, творчеством которого руководит не разум. Он не похож на других людей, он «живёт как бы без кожи, его реакции до предела обострены, он чужой в этом мире, потому что не может справиться с обыденной жизнью» [Маслова, 2004: 86].

Что касается вопроса о прозе Цветаевой, то он начал волновать исследователей в 50-х годах XX века (здесь можно отметить рецензии Ю.Терапиано, Р.Гуля, В.Вейдле на вышедшую в 1953 году книгу Марины Цветаевой «Проза»). В 1973 году выходит в свет статья Б.Филлипова, в которой он прямо заявляет: «Для меня Марина Цветаева – прозаик даже выше Марины Цветаевой – поэта. <...> В прозе Цветаева и разнообразнее, и ещё более, чем в поэзии, самобытна» [Марина Цветаева в критике современников, 2003: 478].

Эссе «Искусство при свете совести» впервые опубликовано в двух смежных номерах белградского журнала «Руски архив» за 1932 год. А.А.Саакянц предполагает, что отдельные мысли, относящиеся к этому трактату, рождались в записных книжках и рабочих тетрадях Цветаевой. Печатаемая на французском первую главу «Молодца» в 1930 году, она предпослала публикации небольшое введение, которое редакция озаглавила: «Несколько слов Марины Цветаевой о ней самой». Там можно обнаружить мысли, развиваемые в «Искусстве при свете совести»: о величии и высоте

поэта, о том, что всё дело в точке зрения; о ремесле поэта, о том, что быть поэтом – означает – не мочь не писать.

Так каков же он, Поэт Марины Цветаевой?

В «Искусстве при свете совести» автор предлагает читателю посмотреть на трёх поэтов: 1. Великий поэт. 2. Высокий поэт. 3. Большой поэт. Последний – не более чем талантливый человек, теоретически им может стать каждый. Великий поэт включает в себя и ранг высокого, но отнюдь не наоборот. Первый – Гёте, второй – его современник Гёльдерлин, Альфред-де-Виньи. И несомненно автор расценивает великого поэта как наилучшего, как гения: «Гений: равнодействующая противодействий, то есть в конечном счёте равновесие, то есть гармония». Лишь два исключения из этой иерархии – Гёте и Рильке, поэты равновысокие и великие.

В свою очередь Гения Цветаева определяет так: «Гений - высшая степень подверженности наитию – раз, управа с этим наитием – два» [Цветаева, 1993: 15]. В связи с этим обрисовывается и понятие стихийности поэтического творчества: стихиям Цветаева отводит роль руководителей, вдохновителей создания произведений искусства, роль своеобразной Музы, другими словами, роль самого художника. Поэт отдаётся стихии всецело, безвозвратно и сам становится стихийным духом, поэтому и творческий процесс понимается как абсолютное погружение в Стихию и одновременное её обуздание, борьба, умение сохранять собранность и целостность духа. Гений – сродни «раздавленному человеку», он позволяет себе уничтожиться, свести себя на нет. Но между ними одновременно существует и большое и важное различие, которое собственно и отделяет одного от другого, - гений обладает способностью к возрождению благодаря своему «атому сопротивления (-вляемости)». Именно эта маленькая частичка уникальна в сущности поэта, из неё рождается творчество, она – его первоначало.

Затрагиваются в статье и вопросы непосредственно об искусстве. «Чему учит искусство, - спрашивает Марина Цветаева. – Добру? Нет. Уму-разуму? Нет. Оно даже себя самого научить не может, ибо оно – дано» [Цветаева, 1993: 20]. Поэт приходит к постановке конфликта: с одной стороны – упоение стихией слова, тяга к творчеству; с другой – сознание того, что искусство - «дурное дело», поскольку, во-первых, произведение обладает способностью не только «отрешать, просвещать, очищать», но и «обольщать», во-вторых, искусство не несёт пользы: «...если хочешь служить Богу или людям, вообще хочешь служить, делать дело добра, поступай в Армию Спасения или ещё куда-нибудь – и брось стихи» [Цветаева, 1993: 42]. Этот конфликт Цветаева разрешает: для неё искусство – объективно существующая самостоятельная реальность со своими законами. Кроме того, поэту Цветаева отводит отдельное место: «Небо поэта» расположено «в уровень подножию Зевеса: вершине Олимпа», «между небом духа и адом рода» и является гармоничной серединой. Искусство находится между мирами духовного и

физического, более того – и в том, и в другом, создавая гармонию: «По отношению к миру духовному – искусство есть некий физический мир духовного. По отношению к миру физическому – искусство есть некий духовный мир физического» [Цветаева, 1993: 28].

Этой гармоничной середине даётся и более материальное определение: «Искусство есть природа» [Цветаева, 1993: 13]. Оно – рождается, а не сотворяется искусственно. Более того, поэт не видит отличий между произведением искусства и произведением природы. Однако же, их создатели – природа и человек (художник) – ответственны за свои порождения в разной степени. У них разные «воли». В связи с этим Цветаева считает, что художник должен обладать лишь волей к созданию доброго: «Произведение искусства – то же произведение природы, но долженствующее быть просвещённым светом разума и совести» [Цветаева, 1993: 14].

Автор размышляет и о личностях конкретных людей, творцов. На протяжении всей статьи звучит имя Гёте: в связи с его «Вертером» показывается невинность его как художника. Отдельная глава посвящена Пушкину; здесь же в связи с разговором о стихиях анализируется «Пир во время Чумы», где Чума приравнивается к стихии, а сам Пушкин отождествляется с Вальсингамом, одновременно определяя и их разность всё в том же «последнем атоме сопротивления стихии во славу ей, что и есть искусство».

Упоминается Цветаевой и Л.Толстой (в размышлении об «исключении в пользу гения»), и Блок, «Двенадцать» которого возникли «под чарой», и Гоголь, сжегший вторую часть «Мёртвых Душ» под всё той же «чарой», под давлением стихии, во имя добра и против искусства, и Б.Пастернак, который «списывает с жизни» свои образы.

Наивысшую оценку Цветаева ставит творчеству простых людей, не одержимых искусством, поэзия которых идёт из глубины души: это «ещё не искусство, но уже больше, чем искусство» [Цветаева, 1993: 24]. При этом Марина Ивановна отмечает: «Эти стихи мои любимые из всех, которые когда-либо читала, когда-либо писала, мои любимые из всех на земле. Когда после них читаю (или пишу) свои, ничего не ощущаю, кроме стыда» [Цветаева, 1993: 26]. А всё потому, что в устах четырёхлетнего мальчика, семилетней девочки-инвалида, монашенки Ново-Девичьего монастыря она находит живую Божью искру, святость, истинную душевность и человечность.

Искусство в понимании Цветаевой приобретает во истину большой размах: оно противопоставляется смерти. Оно – вызов в её сторону: «Искусство есть мой и всей природы ответ на вызов уничтожения» [Цветаева, 1993: 37]- здесь находим родственность поэта и природы в стремлении к вечности, к бессмертной душе. Художник способен увековечить, а значит – вырвать у смерти. Следовательно, и поэт в какой-то мере осознаётся

нетленной сущностью. Об этом свидетельствуют и поэтические произведения Цветаевой:

Мёртвый лежит певец

И воскресенье празднует.

«Думали – человек...»

9 мая 1916

Неся на себе миссию пророка, поэт не боится ничего, в том числе смерти, ему не страшно оказаться «у жизни на краю»:

И не страшно нам ложе смертное,

И не сладко нам ложе страстное...

«В черном небе слова начертаны...»

14 мая 1918

Представление Цветаевой о поэте совпадает (и об этом упоминала ранее В.А.Маслова) с образом ницшеанского сверхчеловека – гения, свободного в творчестве и ответственного за его результат. Поэт – это «утысячерённый человек», строй души и мировосприятие которого иной, чем у других.

Таким образом, и в своей прозе Цветаева остаётся поэтом, верным своему призванию, развивая темы чары и святости Искусства, наития и сопротивления ему и размышляя об образе Поэта.

Библиографический список

- Цветаева М. И. Искусство при свете совести. (Реконструкция полного текста статьи). – М.: Рос.фонд культуры. Дом Марины Цветаевой, 1993. – 47 с.

Работы исследователей и критиков

- Марина Цветаева в критике современников: В 2-х ч. Ч. II. 1942-1987 годы. Обречённость на время. – М.: Аграф., 2003. – 640 с.
- Кудрова И. В. Просторы Марины Цветаевой. Поэзия, проза, личность. - СПб.: Вита Нова, 2003. – 528 с.
- Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие / В.А.Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
- Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999. – 816 с.
- Швейцер В.А. Быт и Бытие Марины Цветаевой. - М.: Интерпринт, 1992. – 537 с.